

Ե. ԶԱՐԵՆՑԻ ԱՆՏԻՊ ՆԱՄԱԿԸ Մ. ՇԱՀԻՆՅԱՆԻՆ

Նոտրե տպագրվող սամակի գոյության փաստը վաղուց հայտնի էր: Այդ մասին իր բանավոր ելույթներում քանիցս հիշել է Մարիետա Շահինյանը, ցավով նշելով, որ նամակը կորել է: Սակայն վերջերս (1986 թ. օգոստոսին) Մ. Շահինյանի թոռը՝ Նինա Շահինյանը, գրողի արխիվն ուսումնասիրելիս հայտնաբերել է այդ նամակի ընագիրը: Նամակի ինքնագիրը նա նվիրեց Զարենցի անվան գրականության և արվեստի թանգարանին:

Մ. Շահինյանի հետ Նղիշ Զարենցի ստեղծագործական և բարեկամական կապը հին պատմություն ունի: Նրանք ծանոթացել են 1920-ական թթ. սկզբին և զրանից հետո հաճախ հանդիպել են, գրուցել, ավելի հաճախ վիճել: «Զարենցի հետ բոլոր վեճերում ինձ չի լքել նրա հանճարեղության զգացումը»,—հետագայում գրել է Մ. Շահինյանը (Մ. Շահինյան. Նղիշ Զարենց. — Նուշեր Նղիշ Զարենցի մասին. Երևան, 1986, էջ 289):

Ստեղծագործական կապը երկու մեծ արվեստագետների միջև ավելի խորացավ 1926—1927 թթ., երբ Յակով հաշատրուանցը թարգմանում էր «Երկիր Նաիրի» վեպը, իսկ Մ. Շահինյանը պետք է գրախոսեր թարգմանության ձեռագիրը և առաջաքան գրեր Ե. Զարենցի վեպի ուսերեն հրատարակության համար: Պատահական չէր, որ կյանքի ղեկավարին օրերին բանաստեղծը դիմում է Մ. Շահինյանին, նկատի առնելով, իհարկե, նաև այն, որ Ռուսաստանում երկար տարիներ ապրած գրողը այնտեղ որոշակի կշիռ ունեցող զեմբ էր:

Որո՞նք էին նամակի շարժառիթները. — 1933 թ. աշսանը Նղիշ Զարենցի «Գիրք ճանապարհի» ժողովածուի պատրաստի տպաքանակը արգելվեց: Հեղինակին ստիպեցին հանել «Աթիլեն», թե Պլենո» դրամատիկական պեմբը: Բանաստեղծը դրա փոխարեն գրեց ու գրքում ղետեղեց «Արվեստ քերթության» և «Գիրք իմացության» շարքերը (այս ձևով գիրքը լույս տեսավ 1934 թ.):

Նշված ղեպքեռի կապակցությամբ Զարենցը զգաց հայ մտավորաստեղծության և մասնավորապես իր անձի ու գործի շուրջ ստեղծված ծանր մթնոլորտը, որ այս անգամ արտահայտվում էր ավելի թշնամական ու ստանգապիոր ձևերով: Կենտկոմի քարտուղարությունը 1933 թ. նոյեմբերի 14-ին ընդունեց «Հայկեստհրատի արտագրանքի իդեոլոգիական անկայունության մասին» որոշումը («Նորհրգային Հայաստան», 1933, N 267, 18 նոյեմբերի), որի մեջ Զարենցի գիրքը որակվում էր որպես «հակահեղափոխական-տրոցկիստական գրպարտություն...», որը թունդ իգեալիստական մեկնաբանություն է տալիս Հայաստանի պատմությանը, ակնհայտորեն արտահայտելով հակական մարտնչող նացիոնալիզմը: Այս որոշմամբ Զարենցը հեռացվում է Պետհրատի գեղարվեստական բաժնի վարիչի պաշտոնից: Միաժամանակ հանվում է ու արգելվում Ե. Արմենի «Երևան» վեպը, հայ գրականության բրեստոմատիան, որի մեջ գետեղված էին Գամառ-Քաթիպար, Շահագիրի երկերը, որոնք որոշման մեջ բնութագրվում էին իրրև «ծաւրահեղ շովինիստական» ստեղծագործություններ: Մղձավանջային այս ժամանակաշրջանի վերաբերյալ նամակում ասվում է. «...մեր ողջ սով. մտավորականությունն այդ օրերին սեփական կյանքի համար ունեցած վախից զլուխը կորցրել էր՝ վայրենի, անիմաստ տեոորի հոտ էր գալիս, որի նմանը Սովետական Միության ոչ մի այլ մասում չէր գտնի»:

Աղասի հանջյանը (1901—1936), ինչպես հայտնի է, 1930 թ. նշանակվում է Հայաստանի Կ(Բ)Կ Կենտկոմի առաջին քարտուղար: Զարենցը բարձր էր գնահատում հանջյանի՝ իրրև պետական գործչի հատկությունները: հանջյանը նրա համար նաև ժողովրդի կողմից սիրված ղեկավար էր, ազգի շահերով ապրող մարդ: Բանաստեղծը մշտապես զգում էր Հայաստանի Կենտկոմի քարտուղարի հովանավորությունն ու պաշտպանությունը: հանջյանի քանքերի շնորհիվ ժասանակավորապես վերացվում է բանաստեղծին և մյուսներին սպառնացող վտանգը:

Մենք չգիտենք, թե նամակը ստանալուց հետո Մ. Շահինյանը ինչ քայլերի է գիմել: Նկատենք, որ Զարեհը խնդրում է Մ. Շահինյանին պատասխանը գրել Մարտիրոս Սարգսի հասցեով, ծրարի վրա նշելով նկարչի հասցեն:

Նամակը տպագրվում է աննշան կրճատումներով:

ԱՆՍՆԻՏ ԶԱՐԵԽ

Дорогая Мариэтта Сергеевна!

Пишет Вам Егеше Чаренц.

Пишу Вам вторично: первый раз позавчера подробнее написал Вам о случившейся со мной истории с просьбой в конце заступиться за меня и, если возможно, довести обо всем этом до сведения тов. Стацкого¹, и, если возможно, тов. Сталина. Написал письмо, перечел, сделал прибавления на отдельных листах и думал было уже отправить письмо Вам, но в последнюю минуту, в силу особо трудно сложившихся для меня обстоятельств, взял написал маленькое предисловие к адресованному Вам письму, все это вложил в один конверт и воздушной почтой отправил прямо... тов. Сталину!!—Все это станет Вам вполне ясно и понятно, когда ниже узнаете о «деле», которое сводится к следующему:

Я имел несчастье написать новую книгу стихов и поэм, страниц 300, под общим заглавием «Книга Пути»,—о прошлом, настоящем и будущем нашего народа, с основной идеей, что *ни один господствующий класс в прошлом не давал положительной исторической идеи нашему народу и только пролетариат после Окт. Революции дал нам эту идею*. Это, так сказать, *основная концепция* книги, в которой, кроме стихов, посв. прошлому, есть также стихи, посвященные ударникам, колхозникам, тов. Сталину и т. д. И вот эту-то книгу люди в своей наирской слепоте и ненависти объявили националистической, *дашнакской*, и...в отсутствие тов. Ханджяна, когда книга, уже давно отпечатанная, должна была уже выйти, взяли и от имени Секретариата ЦеКа запретили как контр-революционную и меня же вышвырнули вон из Гиза без всяких объяснений причин! К фактической стороне дела надо прибавить еще следующее: у меня в книге есть драматическая интермедия, в которой я в условных образах театрального мира художественно показываю и доказываю, что *объективным олицетворением поступательного хода пролетарской мировой революции оказался тов. Сталин, и Троцкий, не понимающий массового характера данного исторического этапа и себя, как «героическую» личность, противопоставляя всему положительному ходу революции, неминуемо должен был погибнуть и в глазах этих масс из бутафорского «героя» превратиться в смешную, жалкую фигуру, в смешной театральный персонаж, в «Пьеро»: вещь и называется у меня поэмой так: «Ахиллес или Пьеро?» И вот эту-то вещь, вдобавок к вышесказанному, наши тупицы ухитрились в своей официальной резолюции объявить вещью... троцкистской, направленной... против нашего вождя тов. Сталина!!! Ведь можно же с ума сойти, не правда ли?! Что мне оставалось делать, как [не] написать тов. Сталину и потребовать расследования этого гнусного, грязного дела, не имеющего никакого оправдания. Но это еще не все. Дело в том, что книгу *всю*, еще в *рукописи*, читал тов. Ханджян, и в основной части—Ашрафян². И что же? После отъезда Ханджяна в отпуск сей Ашрафян совместно с некоторыми другими членами верховного парт-руководства задумали устроить переворот, смену руководства, нача-*

ли агитировать против т. Ханджяна и всё завершили тем, что центром своей агитации сделали мою книгу, для чего и превратили ее в контр-революционную, направленную против т. Сталина (психология вполне наирская: чем страшнее, мол, тем лучше). Всё это они приурочили ко дню 2-летия исторического письма тов. Сталина, создали Эриванский партактив, сей Ашрафян сделал свой доклад и при гробовом молчании актива вынесли умопомрачительную резолюцию... Но всё это окончилось полным, настоящим наирским всенародным конфузом: приехал Ханджян, сняли Ашрафяна, резолюцию Эрив. актива объявили ошибочной, резолюцию ЦеКа о Гизе и моей книге подлежащей пересмотру: одним словом, не политика, а срам и полная бессовестная дискредитация партии и сов. власти. Теперь собираются выпустить мою книгу: ее частями дословно перевели на русский язык, образовали комиссию под председательством завкультпропа Заккрайкома т. Сефа, который после чтения моей интермедии был поражен наглостью людей, для своих групповых целей перевернувших произведение вверх ногами [...] Что это такое, тов. Мариэтта Шагинян, как не срам и издевательство и против сов. писателя с 20-летним стажем, и против партии и ее вождя тов. Сталина... Должны ли эти люди понести наказание за такие гнусные дела: это же игра с жизнью и репутацией писателя, дискредитирование партии и власти, да еще такое, чего не могли бы устроить и выдумать даже наши классовые враги. Представляете ли, что я должен был пережить в эти дни: ведь я мог убить и себя, и свою семью, сойти с ума,—и я удивляюсь, как это со мной не случилось. Должен вам сказать, что они вместе с моей книгой запретили и ряд других книг: книгу М. Армена «Эривань», напечатанную 2 года назад и вполне безобидную, книгу некоего агронома, бывшего батрака Агаджаняна³ и т. д.—всё в этом же роде: вся наша сов. интеллигенция ходила в эти дни как угорелая, в полнейшем страхе за свою голову: явно пахло диким, бессмысленным террором, подобия которого не найдете нигде в Сов. Союзе. Мое первое письмо, написанное Вам и посланное тов. Сталину сохранило на себе все следы этого страха,—оно было почти патологическое с призывом SOS... Это было 2 дня назад, когда еще в воздухе висел страх непоправимости всего случившегося. Да и теперь еще ничего не сделано по существу: моя книга еще не выпущена и я еще не восстановлен в Гизе. До чего могут дойти у нас в своей идиотской иступленности—можете представить себе по следующему факту: в эти «страшные» дни был направлен к нам в Гиз от ЦеКа, в качестве политконтроля, некий Саак Киракосян, который запретил... «Тарас Бульбу» Гоголя как «идеалистическую» книгу!! А что касается до армянских классиков—то они почти все взяты под подозрение... Но все это *сравнительно* «мелочи» по сравнению с моим делом: это ведь нечто вроде дела Бейлиси, и я уверен, что тов. Сталин выведет всех виновников этого дела на чистую воду [...] и прошу, умоляю Вас, тов. Шагинян, помогите нам в этом деле. Ведь это прямо контр-революционная затея: взять, для своих групповых политических целей объявить 20-летнего литератора, из коих 15 лет он посвятил воспеванию сов. власти, Октября и ее вождей [...]—и вот, объявить такого писателя контр-революционным... в *официальном документе от имени ЦеКа объявить*, что в данной книге *ведется борьба против Вождя*—а потом взять, как ни в чем не бывало, разрешить эту книгу,—ведь это контр-революция, дискредитация Партии и ее Вождя, оплевывание сов. писателя, превращение его в *средство* своих интриг... Без всякого стыда для себя один из героев

этой «кровавой» истории говорил мне в «страшные дни»: «Неужели ты не понимаешь, что суть вопроса не в тебе»... Т. е.: терпи, пускай всенародно плюют в твою рожу, как контр-революционеру, а потом, когда мы выиграем, будет тебе хорошо... Что может быть *циничнее* этого, т. Мариэтта. А. Ашрафян, после объявления моей книги к-революционной, говорил члену ЦКК т. Татаряну: «Ничего, мы *потом* восставшим Чаренца в партии...»

Что это, т. Мариэтта, если не бейлисиада с подкупам и «добровольной жертвой»... Но во имя чего... Чтобы Ашрафян стал 2-ым секретарем?... Во имя этого истоптать в грязи сов. писателя, имя вождя, дискредитировать Партию и Сов. Власть! Это же чудовищно, тов. Шагинян! Я протестую против этого!! И умоляю: доведите до сведения *всех* эту бейлисиаду. Вы ведь *всесоюзный* писатель с мировым именем: Вас знают *все*. Помогите мне. Вас наверное позовут в ЦеКаВКП, так как в письме к Сталину вложено мое письмо к *Вам*. От Вас зависит *очень многое*. Заклинаю Вас: станьте для меня новым Эмиль Зола. Ведь это *безобразная история*. Ведь это дискредитирует Партию и Сов. Власть. Вы *должны* заступиться в эту историю, *активно вмешаться* в это дело, сделать это дело достоянием всего Союза, всей *сов. общественности*. Это можете сделать *только Вы*. Дорогая т. Шагинян! Ознакомьте с содержанием этого письма т. Стацкого. М. б. Вам придется предстать *даже* перед т. Сталиным. Не покиньте меня и это дело: ведь это дело не лично мое, а главным образом, престижа Ком. Партии и Сов. Власть.

Книгу мою Вам или Якову Самсонычу передаст товарищ, с которым я послал книгу. Заставьте Я. С.—а *дословно* перевести Вам всю книгу—и тогда Вы убедитесь, какую грязную историю сыграли со мною. Ведь я же человек! Ведь я же сов. писатель? Ведь Вы *первая* рекомендовали меня всесоюзному читателю? Я надеюсь на Вас, дорогая Мариэтта Сергеевна! Еще ведь ничего не сделано. *Еще могут* меня укокошить. Напишите мне ответ по адресу М. С. Сарьяна для передачи мне. Привет Вам сердечнейший. Преданный Вам и сердцем и душой.

Ваш несчастный собрат по перу

Египше Чаренц

1/ХІІ—33 г.

Эривань

Р. С. Подробности и перипетии этого дела Вам передаст товарищ, который занесет Вам книгу. Письмо мое к тов. Сталину, должно быть, до этого дойдет до места назначения. М. б. Вас позовут для разъяснений. Так вот, я надеюсь, что Вы честны и искренны (Ведь это Ваша главная черта, ведь за это хвалил Вас Ленин «Перемена»). Дорогая М. С.—Судьба моя не только как человека, но и как писателя, зависит от Вас. Очень многое зависит от Вашей активной поддержки. Ведь меня *никто* не знает. А Вас знает весь мир. Помогите малому собрату.

У меня в этом маленьком наирском мире слишком много врагов. Без Вашей активной поддержки они меня съедят. Вы лучше меня понимаете всю косность нашей страны. Ведь Вас самих хотели угробить, но наирская кишка оказалась слишком тонка по отноше-

нию к такому большому человеку, как М. Ш-ян. Но меня могут угро-
бить очень легко. Вы же это лучше меня понимаете. Поэтому *очень*
прошу: во имя того прекрасного отношения, которое Вы оказывали
до сих пор ко всему ценному в нашей культуре и литературе, помо-
гите мне!—И еще раз, в последний, умоляю: Помогите мне!

Чарени

¹ Ստացկի Ա. Ի. (1896—1933)—սովետական կուսակցական գործիչ, 1930 թ.՝ ՀամԿ(Բ)Կ
ագիտացիայի և պրոպագանդայի բաժնի վարիչ:

² Աշրաֆյան Զարմայր (1898—1938)—կուսակցական և պետական աշխատող, Չարենցի
նկարագրած դեպքերի ժամանակ՝ Հայաստանի Կ(Բ)Կ Կենտկոմի քարտուղար:

³ Աղաջանյան Գ. Խ. (1891—1969)—ըստ երևույթին Չարենցը նկատի ունի գիտնական,
գյուղատնտես, հետազոտում ՀՍՍՀ ԳԱ ակադեմիայու Գեղամ Աղաջանյանին: